

**Собрание сочинений и
переводов
адмирала Шишкова. Том 2**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-82
ББК 83
С54

С54 Собрание сочинений и переводов: адмирала Шишкова. Том 2 / – М.: Книга по Требованию, 2020. – 470 с.

ISBN 978-5-519-69040-9

Полное собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова.

ISBN 978-5-519-69040-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

РАЗСУЖДЕНІЕ

О СТАРОМЪ И НОВОМЪ СЛОГѢ

РОССІЙСКАГО ЯЗЫКА.

Всякъ, кто любитъ Россійскую словесность, и хотя нѣсколько упражнялся въ оной, не будучи зараженъ неизцѣлимою и лишающею всякаго разсудка спрасію въ Французскому языку, пошъ развернувъ большую часть нынѣшнихъ нашихъ книгъ съ сожалѣніемъ увидишъ, какой спранный и чуждый понятію и слуху нашему слогъ господствуетъ въ оныхъ (1). Древній Славенскій

(1) Со времени перваго изданія сей книги по сіе время (чему прошло уже около 20 лѣтъ) не вижу я болѣе (или по крайней мѣрѣ гораздо меньше) тѣхъ спранныхъ мыслей и выраженій, какія тогда попадались мнѣ во многихъ книгахъ. Обыкновенная участь таковыхъ сочиненій есть скорое ихъ исчезаніе. Вообще слогъ съ того времени поправился. Мы не чувствуемъ болѣе жадны *созерцать неподражаемыя оттѣнки рисую-*
Ч а с ь II.

языкъ, опецъ многихъ нарѣчій, есть корень и начало Россійскаго языка, копорый самъ собою всегда изобилень былъ и богатъ, но еще болѣе процвѣлъ и обогатился красочами, заимствованными опъ сроднаго ему Эллинскаго языка, на коемъ випійспвовали гремящіе Гомеры, Пиндары, Демосфены, а попомъ Злапоуспы, Дамаскины, и многіе другіе Христіанскіе проповѣдники (2). Кпо бы подумаль, что мы, оставя сіе многими вѣками ушвержденное основаніе языка сво-

щихся полей; не слышимъ болѣе легальнѣй святы галокъ, кон, кракая, сообщаютъ лѣриодитескій трауръ; и кажется переспали нѣжиться въ ароматитескихъ испареніяхъ всевождемъныхъ близнецовъ. (См. въ семъ сочиненіи спран. 51 и слѣдующія). Все это, благодаря лрехожденію заблужденій, кажется стало спановишься смѣшно и жалко. Однакомъ слѣдствія сихъ поврежденныхъ воображеній не скоро испребляющся. Часто на мѣсто ихъ заступаютъ другія, едва ли лучшія. Здѣсь не мѣсто разсуждать о томъ, но замѣтимъ мимоходомъ, что доколѣ спанемъ мы языку своему учись изъ книгъ чужезычныхъ, до тѣхъ поръ не попадемъ на правый путь.

- (2) Всякой языкъ обогащается другимъ, но не заимствованиемъ изъ него словъ, а тѣмъ, что размножая наши понятія открываетъ намъ путь и даетъ разуму силу и знаніе извлекаетъ изъ корней собственнаго языка своего дополъ неизвѣстныя и для раздробленія мыслей нашихъ нужны вѣшви.

его, начали вновь созидать оный на скудном основаніи Францускаго языка? Кому приходило въ голову съ плодотворной земли благоустроенный домъ свой переносить на бесплодную болотистую землю? Ломоносовъ, разсуждая о пользѣ книгъ церковныхъ, говоритъ: „такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго Славенскаго языка купно съ Россійскимъ, ошвращая и странныя слова нечуждыя, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту отъ Греческаго, и то еще чрезъ Лавинскій. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ выражаясь къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ, и къ упадку преклоняютъ.“ Когда Ломоносовъ писалъ сіе, тогда зараза она не была еще въ такой силѣ, и пошому могъ онъ сказать: *вкрадываются къ намъ нечувствительно*: но нынѣ уже должно говорить: вломились къ намъ насильственно и наводняютъ языкъ нашъ, какъ пошопъ землю. Мы въ продолженіи сего сочиненія ясно сіе увидимъ. Недавно случилось мнѣ прочитать слѣдующее: „раздѣляя слогъ нашъ на эпохи, первую должно начать съ Кантемира, вторую съ Ломоносова, третью съ переводовъ Славяно-

„Рускихъ господина Елагина и его многочислен-
 „сленныхъ подражателей, а чепвершую съ
 „нашего времени, въ кошорое образуеиъся
 „пріаиносшь слога, называемая Французами
 „*elegance*.“ Я долго размышлялъ, вподлинну
 ли сочинилъ сихъ спрокъ говоришь сіе
 онъ чистаго сердца, или издѣвается и шу-
 шипъ: какъ? нелѣпицу нынѣшняго слога на-
 зываетъ онъ пріаиносшю! совершенное
 безобразіе и порчу онаго, образованіемъ!
 Онъ именуешъ прежніе переводы *Славяно-
 Рускими*: что разумѣешъ онъ подъ симъ сло-
 вомъ? Не ужъ ли презрѣніе къ источнику
 краснорѣчія нашего Славянскому языку? Не
 дивно: ненавидѣиъ свое и любилъ чужое
 почитаеиъся нынѣ достоинствомъ. Но какъ
 же назовешъ онъ нынѣшніе переводы, и да-
 же самыя сочиненія? безсомнѣніа *Францу-
 ско - Рускими*: и сіи то переводы предпочи-
 паетъ онъ *Славено - Россійскимъ*? Правда,
 ежели Француское слово *elegance* перевеиъ
 по Руски *телуха*, то можно сказать, что
 мы дѣйствительно и въ краткое время слогъ
 овой довели до того, что погрузили въ него
 всю полную силу и знаменованіе сего сло-
 ва! *). (3)

*) Хотя не можно сего сказать вообще, послѣку и нынѣ есть
 писатели, достойно сочиненіями своими славящіеся; но ихъ
 пакъ мало въ сравненіи съ другими, что умы молодыхъ чи-

Ошкелѣ пришла намъ такая нелѣпная мысль, что должно коренный, древній, богатый языкъ свой бросить, и основать новый на правилахъ чуждаго, несвойственнаго намъ и бѣднаго языка Францускаго? Поищемъ источниковъ сего крайняго ослабленія и грубаго заблужденія нашего.

Начало онаго происходитъ отъ образа воспеванія: ибо какое знаніе можемъ мы

нашелей гораздо меньше' наставляюща ихъ писаніями, нежели заражающа и поршаша швореніями сихъ послѣднихъ.

- (3) Можесть бысть любовь къ отечественному языку моему понудила меня зѣбсь съ излишнимъ жаромъ ополчиться противу словъ, не заслуживающихъ столь сурогаго осужденія. Я не извиняю сего излишества, но между тѣмъ не прешаю и нынѣ думать, чтобъ подобныя мнѣнія не произвели въ умахъ неопытныхъ писателей тѣхъ слѣдствій, какія отъ презрѣнія къ *старому слоу* родились въ *новомъ*, довольно въ сей книгѣ показанномъ. Для справедливаго сужденія о вещахъ, надлежитъ разсматривать ихъ съ двухъ сторонъ, иначе, смотря на одну и не видя другой, часто можемъ обманываться. Если бы сей *elegance*, или скажемъ по своему *благозвучію, историческому, красноречію*, почерпаемо было изъ источниковъ Рускаго языка, такъ чптобы, не разрушая природныхъ свойствъ его и силы, придавало ему новый блескъ и чистоту, тогда могли бы мы гордиться успѣхами словесности. Симъ образомъ гордимся мы появлені-

имѣтъ въ природномъ языкѣ своемъ, когда дѣши знапнѣйшихъ бояръ и дворянъ нашихъ ошъ самыхъ юныхъ ногшей своихъ находяшся на рукахъ у Французовъ, прилѣпляющся къ ихъ нравамъ, научающся презирашъ свои обычаи, нечувствительнѣе получающъ весь образъ мыслей ихъ и поняшій, говоряшъ языкомъ ихъ свободнѣе нежели своимъ, и даже до того заражающся къ нимъ приспра-

емѣ стиховѣ Лѣмѣносова предѣ прежними до него сочиняемыми стихами. Но когда сей *elegance* поставляется въ испребленіи спарыхъ словѣ, вводя на мѣсто оныхъ новопереводныхъ съ Французскаго языка; когда Рускимѣ оборотамѣ и словосочиненію предпочитаютъ словосочиненіе и обороты иностранные; когда силу языка своего думаютъ замѣнять силою чужихъ выражений, ему не свойственныхъ; когда по примѣру другихъ языковъ, не имѣющихъ столь великаго, какъ нашъ, изобилія и различія въ выборѣ словъ, хотятъ величавый языкъ поэмы или трагедіи сравнять съ простымъ языкомъ басни или оперы; когда гоняся за хитростями ума удаляются отъ языка природы, и проч. и проч. — Тогда одинъ наборъ словъ для уха, неговорящій ничего разуму, часто противный здравому разсудку, есть для меня самой пустой *elegance*. Я люблю лучше старшій, даже тяжельшій и обвѣшальшій слогъ, когда онъ яснѣе и сильнѣе, нежели новый, одною только легкостію и звучностію словъ щеголяющій. Въ языкѣ умѣ велишѣе иногда угождать уху, однако не велишѣе разсуждать ушами.

спіємъ, что не шокмо въ языкѣ своемъ никогда не упражняюшся, не шокмо не слышатся не знашь онаго, но еще многіе изъ нихъ симъ постыднѣйшимъ изъ всѣхъ невѣжествомъ, какъ бы нѣкопорымъ украшающимъ ихъ достоинствомъ, хвастаюшъ и величаюшся ?

Будучи такимъ образомъ воспитываемы, едва силою необходимой наслышки обучающся они объясняшся шѣмъ всенароднымъ языкомъ, копорой въ общихъ разговорахъ употребленъ; но какимъ образомъ могутъ они почерпнушь искусство и свѣденіе въ книжномъ или ученомъ языкѣ, шоль далеко отстоящемъ отъ сего простаго мыслей своихъ сообщенія ? Для познанія богатства, изобилія, силы и красоты языка своего, нужно читашъ изданныя на ономъ книги, а наипаче превосходными писателями сочиненныя : изъ нихъ научаемся мы знаменованію и производству всѣхъ частей рѣчи ; пристойному употребленію оныхъ въ высокомъ, среднемъ и простомъ слогахъ ; различію сихъ слоговъ ; правильному писанію ; краснорѣчивому смѣшенію Славенскаго величаваго слога съ простымъ Россійскимъ ; свойственнымъ языку нашему изгибамъ и оборотамъ рѣчей ; складному или не складному расположенію ихъ ; краскостіи выраженій ; ясности и важности смысла ; плавности, бы-

спростѣ и силѣ словопеченія. Между шѣмъ какъ разумъ обогащается сими познаніями, слухъ нашъ привыкаетъ къ чистому выговору словъ, къ пріятному произношенію оныхъ, къ чувствованію согласнаго или не согласнаго сліянія буквъ, и однимъ словомъ, ко всѣмъ сладкорѣчія прелестямъ. Отсюду природное дарованіе наше укрѣпляется искусствомъ; отсюду рождается въ насъ любовь къ писаніямъ и разумніе судишь объ оныхъ. Кратко скажешь, чтеніе книгъ на природномъ языкѣ есть единственный путь, ведущій насъ во храмъ словесности. Но коль сей путь, шолко шрудный и пребывающій великаго вниманія и долговременнаго упражненія, долженъ быть еще несказанно шруднѣйшимъ для шѣхъ, которые отъ самаго младенчества до совершеннаго юношества никогда по немъ не ходили? Когда можешь быть изъ превеликаго множества нынѣшнихъ худымъ складомъ писанныхъ книгъ, для вѣщаго въ языкѣ своемъ развращенія, прочишали они пять или шесть, а въ церковныя и старинныя Славенскія и Славено-Россійскія книги, отколѣ почерпаешь и шинное знаніе языка и красота слога, вовсе не заглядывали? (4) они чишаютъ Французскіе

(4) Подъ именемъ Славенскихъ, Славено-Россійскихъ и Рускихъ книгъ, можно разумѣть различныхъ

романы, комедіи, сказки и проч. Я уже не говорю, что молодому человеку, наподобіе управляющаго кораблемъ нормчаго, надлежитъ съ великою оспорожностію вдаваться въ чтеніе Францускихъ книгъ, дабы чи-

временъ слоги, или языкъ въ смыслъ слога, какъ то слогъ Библии, Пашерика или Чепи - миней, слова о полку Игоревомъ, старинныхъ грамотъ, Несторовой лѣтописи, Ломоносова, и проч. Во всѣхъ оныхъ слогъ или образъ объясненія различенъ; но чтобы Славенской и Руской языкъ были два языка, то есть, чтобы можно было сказать это Славенское, а это Руское слово, сего различія въ нихъ не существуетъ. Между тѣмъ многіе, безъ всякаго основанія, почитаютъ ихъ двумя разными языками, и сіе ложное мнѣніе подало поводъ Руской языкъ подъ именемъ Славенскаго презирать, и потомуже самый языкъ, унижая до просторѣчія и располагая оный по свойствамъ Францускаго языка, называть Рускимъ. Подъ симъ - то ни съ чемъ несообразнымъ раздѣленіемъ одного и тогоже языка на двѣ разныя части, изъ коихъ одна, важнѣйшая, познаваемая изъ чтенія книгъ не читаемыхъ, приводится въ забвеніе, а другая, простѣйшая, навыкомъ изъ общихъ разговоровъ съ малолѣтства зашверживаемая, обвиняется неопредѣленностію словъ, обыкновенностію воображеній, малою игривостію ума, и все сіе поправляется тѣми, которые меньше всего вникая въ происхождение, силу и свойства языка своего, проповѣдываютъ введеніе въ него новыхъ понятій; новой легкости, новой чистоты, нового вкуса.

споту нравовъ своихъ, въ семъ преисполненномъ опасностію морѣ, не прешкнушь о камень; но скажу покио разсуждая о словесности: какую пользу принесетъ имъ членіе иностранныхъ книгъ, когда не читающъ они своихъ? Волперы, Жанъ - Жаки, Корнелии, Расины, Молиеры, не научашъ насъ писать по Руски. Выуча всѣхъ ихъ наизусть, и не прочитавъ ни одной своей книги, мы въ краснорѣчіи на Рускомъ языкѣ должны будемъ уступитъ сочинителю Бовы Королевича. Весьма хорошо слѣдовашъ по стопамъ великихъ писателей, но надлежитъ силу и духъ ихъ выражать своимъ языкомъ, а не гоняться за ихъ словами, кои у насъ со всѣмъ не имѣющъ той силы. Безъ знанія языка своего мы будемъ точно такимъ образомъ подражать имъ, какъ человеку подражающъ попугай, или иначе сказать, мы будемъ подобны такому павлину, который не зная или пренебрегая красотою своихъ перьевъ, желаетъ для украшенія своего заимствовать оныя опъ пшицъ несравненно меньше его прекрасныхъ, и столько ослабленъ симъ желаніемъ, что въ прельщающій оно разноцвѣтный хвостъ свой гонитъ на-тыкашъ перья изъ хвостовъ галокъ и воронъ. Опъ сего можно сказать безумнаго прилѣпленія нашего къ Французскому языку, мы, думая просвѣщаться, часъ опъ часу впа-